

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
ОВАЦИЙ

Почти десять лет не сходит со сцены Театра имени Моссовета спектакль «Дальше — тишина...», поставленный режиссером А. Эфросом. И каждый раз в зале воцаряется торжественная и взволнованная атмосфера премьеры.

Недавно состоялась премьера этого спектакля на телевизионном экране. Съемки велись непосредственно в театре, чтобы не нарушить целостности и органичности существования актеров в созданных ими образах, чтобы зафиксировать и передать то удивительное взаимопонимание, которое устанавливается между сценой и залом. А. Эфрос — один из театральных режиссеров, наиболее смело экспериментирующих в своих постановках на телевидении, — в данном случае вроде бы совсем отказался от поисков телевизионной специфики. Идет как бы точная фиксация сценических актерских работ, разумеется, точная только в той мере, в какой это возможно, потому что так или иначе действуют законы телевизионной съемки.

Тщательно разработав вместе с исполнителями психологическую партитуру постановки, режиссер взял на себя также роль своего рода комментатора событий. В самом начале встречи он с чуть заметной иронией, словно бы даже извиняясь, называет спектакль старомодным. Но, видимо, назрела у сегодняшних зрителей потребность в высоких, сильных чувствах на сцене. То, что еще вчера готовы были назвать старомодным, вновь уверенно и активно входит в моду. Старомодные комедии и старомодные трагедии снова стали пользоваться заметным успехом.

Тема пьесы современной американской писательницы Вины Дельмар — муки родителей, страдающих из-за черствости, корыстолюбия, жестокости детей (истинное заглавие произведения «Уступи место завтрашнему дню»), — отнюдь не нова, ее ситуации не свободны от мелодраматизма и сентиментальности. Однако режиссер и актеры резко выводят драматургический материал за пределы мелодраматического жанра, очищают его от сентиментальности, открывают путь героям к глубокой и острой социально-психологической драме, а временами и подлинной трагедии. Призыв к этому содержится уже в измененном заглавии: «Дальше — тишина...» — слова Гамлета в предсмертный миг, когда перед ним открывается вечность.

Хорошо играют в этом спектакле все — Б. Иванов, И. Карташева, И. Муравьева и другие, место каждого персонажа четко определено в общем идейно-художественном решении постановки. Но лидирование главного дуэта: Ф. Раневская — Р. Плятт в этом слаженном актерском ансамбле тем не менее очевидно, как безусловна и строгая подчиненность

всех второстепенных ролей тем основных персонажей.

Раневская и Плятт стали играть вместе сначала в кино, а уже вслед за тем в театре. Много лет назад они снимались в детских фильмах, которые с удовольствием смотрели взрослые, «Слон и веревочка», «Подкидыш». Блистательное комедийное мастерство обоих исполнителей в полной мере проявилось уже в этих ранних работах. Но тогда они так и не стали партнерами — эпизоды с участием их персонажей существовали в фильмах раздельно. Новая встреча произошла в период прекрасного и яркого расцвета творческих сил актеров. Дуэт Раневской и Плятта в спектакле «Дальше — тишина...» — торжество тончайшего и совершенного психологического искусства, склонного к широким поэтическим и философским обобщениям, а также образец превосходного творческого взаимопонимания, чего всегда добивался от своих учеников, актеров Театра имени Моссовета, Юрий Александрович Завадский.

Может быть, никогда прежде игра Раневской не была столь сосредоточенной, сдержанной, простой, столь лирической проникновенной и одновременно трагически суровой, как в роли Люси Купер. Кто сказал, что любить умеют лишь в юности, когда чувство вспыхивает впервые, когда оно свежо, не замутнено ни сложностями, ни страданиями? Нет, любить глубоко и сильно можно и тогда, когда проживешь бок о бок с человеком полвека, родишь ему пятерых детей, познаешь все радости и горести родительских обязанностей и прожитых лет. Так любит Люси своего Барка.

Две сходные роли сыграла Раневская на сцене Театра имени Моссовета — очень странную миссис Сэвидж в пьесе тоже американского драматурга Д. Патрика и не менее чудную своей душевной неприспособленностью к законам современного капиталистического общества Люси Купер. В первом спектакле — трагикомедии, где экстравагантная миссис Сэвидж озорничает и глумится напропалую над неродными детьми, решившими упрятать мачеху в сумасшедший дом, актриса не скупится на эксцентричные комедийные приемы, мастерницей которых недаром слывет. Люси Купер не до шуток: это родные дети разлучили ее с горячо любимым мужем, и жизнь свелась к одной цели — увидеться с ним вновь, чтобы более не расставаться. При этом исполнение роли вовсе не ограничивается нотами тоски и отчаяния. Раневская раскрывает страстность желания и умение ее героини быть счастливой. Ее Люси особенно хороша в сцене воспоминаний о самом лучшем времени — медовом путешествии с Барком. Какой радостью лучатся ее глаза, как молоды и кокетливы ее улыбка и движения! Счастливо

могла бы пройти и завершить ее жизнь, если бы волчьи законы общества не стали естественной нормой поведения ее детей. Актриса раскрывает огромное духовное богатство своей героини, вернее, щедро наделает этим богатством значительно более бедный материал роли.

В отличие от Раневской Плятт не отказывается в трактовке роли Барклея Купера от сочетания трагических и комедийных красок. Так, комедийна, почти буффонадна сцена, в которой больной Барклея капризничает, издевается над дочерью и врачом. Хотя и в этом эпизоде за юмором, эксцентрикой скрыта неизбывная боль героя, снедающая его тоска по жене, с которой он должен жить врозь. Трагична фигура старика, тщетно пытающегося соединиться с Люси, найти работу, чтобы самому, как и прежде, содержать ее.

Эмоциональной кульминации спектакль достигает в финальных сценах, когда Люси и Барк наконец ненадолго встречаются. Психологическая разработка ролей обретает особую глубину и гармоничность — подтекст говорит не меньше, а больше, чем текст. Чистой, прозрачной нотой, полной грусти и света, завершает Барклея Плятта спектакль, стараясь вернуть все к тому далекому, исходному моменту, когда судьба сулила им только счастье: ведь они полюбили друг друга с первого взгляда. «На всякий случай, если мы больше не встретимся, мисс Стентон (девичья фамилия Люси. — А. О.), имейте в виду, что я был счастлив с вами познакомиться». Шутка, бравада граничат с безысходной печалью, которой нет предела. Вполне возможно, что они видятся в последний раз, а дальше их ждет только тишина...

Нередко можно услышать или прочитать в качестве похвалы, что актеры, снявшиеся в телевизионных фильмах или спектаклях, играют столь естественно, что создается впечатление, будто они и не играют совсем. Ни о Раневской, ни о Плятте этого не скажешь. Нет, они именно играют! Если иметь в виду под игрой не грубую подделку под жизнь, не развязное театральничанье, а глубину исследования жизни человеческого духа, мастерство художественного воспроизведения характеров — то чудо преображения, которым неизбежно покоряет нас большое искусство.

...После телевизионных премьер не дарят цветы, не аплодируют, не кричат «браво!» После премьер на телевидении актерам пишут письма с благодарностями за эстетическое наслаждение, которое они доставили. Пусть же моя статья будет для Ф. Раневской и Р. Плятта продолжением, хотя и в несколько другой форме, зрительских оваций.

А. ОБРАЗЦОВА,
доктор искусствоведения.